

Екатерина Косточкина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Косточкина

Три

«Автор»

2024

Косточкина Е.

Три / Е. Косточкина — «Автор», 2024

«Три» — история о молодой писательнице Вере, которая балансирует между жизнью и творчеством в поисках гармонии, но сначала ей нужно обрести гармонию в себе. На плечи Веры опускаются трудности, под тяжестью которых девушка ломается: провал продаж новой книги, потеря любимого человека, ссора с лучшим другом. Сможет ли Вера подняться со дна, куда сама же себя и столкнула? У неё нет возможности изменить своё прошлое, но есть возможность с помощью писательства залечить душевные раны. Вера находит утешение на страницах своей новой рукописи «Сюли», где рассказывает о маленьком пригородном кафе и его обитателях. Искренняя история о взрослении, дружбе и падении. Атмосфера мрачного Петербурга и мистического Байкала.

© Косточкина Е., 2024

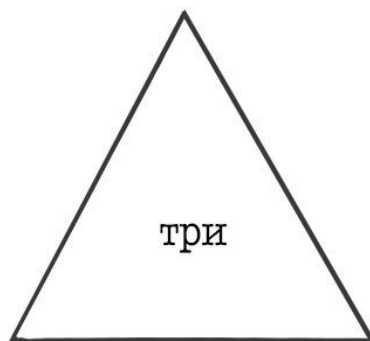
© Автор, 2024

Содержание

Высота 6 метров	6
Высота 6 метров	8
Высота 6 метров	14
## 8	16
Высота 6 метров	18
Высота 43 метра	20
Высота 6 метров	23
Высота 6 метров	25
##	29
Высота 6 метров	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Екатерина Косточкина

Три

Высота 6 метров

Санкт-Петербург, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Пахло морем, но всё равно ощущалась духота. Заходящее солнце пряталось у подножия телесных холмов и играло оттенками оранжевого. Кожа сочилась маслом, что растекалось сверху и до самых низов, переливаясь тёплыми тонами персикового и медного. Волнистые чёрные пряди, аккуратно собранные в хвост, выделяли голубые глаза, что утомлённо смотрели в книгу. Пространство занимала тайна, разгадывая которую, взгляд то и дело натывался на острые углы, на скорости слетая вниз с очередного крутого изгиба тела. И всё изложенное на картине скручивалось в немыслимую головоломку, выставленную на всеобщее обозрение в музее имени Пушкина.

– Соблазнительно, правда? – Рядом раздался мужской голос.

– Немного укачивает, но да, вы правы, – ответила я, оторвав свой взгляд от картины.

Передо мной стоял симпатичный молодой человек с взъерошенными тёмно-каштановыми волосами.

– Глаз привыкнет ко всей этой мозаичности, и вы удивитесь, насколько в ней всё гармонично изложено. – Он ещё раз внимательно посмотрел на картину, с наслаждением проскользнув взглядом по острым углам и изящным изгибам. – Героини Курасова¹ такие разные: страстные, мечтательные, игривые и капризные, яркие и, я бы даже сказал, талантливые. А ещё они очень красивые, как и вы.

– Глупости. Все ваши описания абсолютно мимо. Я не яркая и уж тем более не талантливая. Последнее время так точно. – Немного поразмыслив, я добавила: – Ну может, чуточку мечтательна и чересчур капризна.

– А мне кажется, вы очень похожи на эту девушку.

– Вы меня не знаете, – грубовато ответила я.

– Вы правы, ещё не знаю. Я Никита, но друзья зовут меня Лип, – молодой человек протянул мне руку.

– Так вот к чему ваша любезность! Решили познакомиться. Как это банально! – Я проигнорировала его рукопожатие.

– Помимо прочего вы ещё и расстроены.

Теперь он попал в точку.

– Девушка на картине тоже кажется немного грустной, – добавил молодой человек. Он разглядывал меня, не скрывая этого.

– Я совершенно на неё не похожа, – вырвалось у меня громче положенного.

– Лип, ты идёшь? – Из компании, стоявшей недалеко от нас, кто-то окликнул моего собеседника.

– Да, сейчас, – ответил Никита, а после вновь обратился ко мне: – Я всё же настою на своём. Вы чертовски на неё похожа, даже ваши волосы. – Он коснулся моих кудряшек, собранных в слабый хвост.

– Что вы себе позволяете? – Я сделала шаг назад.

– Лип! – Его снова позвали.

Я мельком посмотрела в ту сторону: компания больше походила на кучку хиппи. И как их вообще пустили сюда? Хотя один из них вполне мог сойти за художника: его выдавали два

¹ Художник Георгий Курасов является одним из наиболее ярких представителей такого направления в живописи, как кубизм. Википедия, прим. автора.

тубуса, что висели на плече. Он привлёк моё внимание потому, что у него была выразительная внешность: раскосый разрез глаз и густые тёмные брови. Красавец, но не мой типаж. К несчастью, мне нравились обалдуи и мерзавцы с хитрым и сексуальным прищуром. Этот же робко стоял позади остальных, не отвечивая.

– У данного художника много хороших картин, есть даже похожая на эту, но словно под другим углом. – Лип оставался рядом и продолжал: – Та же девушка, увлечённая книгой. Море. Или озеро? Мне кажется, море. Я всерьёз думаю, что у Курасова в глаза встроены калейдоскопы, через который он смотрит на мир. Уверен, что вам понравится его работа.

– Мне это неинтересно, – почти отрешённо ответила я.

– Ну как знаете!

Парень развернулся и направился к своим друзьям, где кто-то из них с насмешкой сказал:

– Ну что? Замужняя или сумасшедшая?

Я услышала его ответ:

– Сумасшедшая.

Улыбнулась.

– Эй... – неуверенно произнесла, но осталась неуслышанной. – Никита! – повторила, но безрезультатно. – Лип! – выкрикнула я, обратив на себя внимание почти всех присутствующих на выставке. Увидела, что он улыбнулся и посмотрел на меня, и тогда спросила: – Как называется картина?

– Что-то вроде «Солнечные мечты», – самодовольно выкрикнул он.

Высота 6 метров

Санкт-Петербург, Нежинская улица, дом 4

На кухне нужно есть. Это помещение предназначено для того, чтобы здесь ели. И готовили. Не заурядные макароны со сливочным маслом, а что-то более существенное. И не достаточно просто добавить сверху сыр. Лучше вообще забыть про макароны и перейти на рагу, грибной суп, салат с вялеными помидорами или запечённый картофель. Сладкий запечённый картофель. Рождественский сладкий картофель, который я однажды пробовала в Берлине.

Кухня для еды, но никак не для самотерзаний. И не для письма. Почему я всегда пишу здесь? Точнее сказать, не пишу, а сочиняю всякую чушь про сладкий картофель.

Возможно, мне нравилось освещение. Нравилось, как солнце прodelьывает полукруг и прячется где-то за домом на закате. Нравилось, как оно просачивается сквозь ровные стеклянные квадратики, подсвечивая каждый угол так, что пыли на полках совсем не видно. А может, причина в том, что при любом удобном случае я всегда могу незамедлительно открыть бутылку вина? И случай частенько подворачивается удобный, особенно когда я пишу и в очередной раз убеждаюсь, что трезвой свой литературный позор мне не вынести.

Из окон кухни открывался отличный вид на каштаны Удельного² парка. Солнечная сторона. Для Петербурга это немаловажно. Временами комнату заливало золотым светом, который отражался от молочных шкафов, паркета цвета акации и аляпистого половика в деревенском стиле. А в очередной пасмурный вечер здесь, наоборот, становилось максимально темно. В основном моя жизнь проходила в сумерках, отчего я зажигала слишком много лампочек, которые вполне могли бы осветить добрую часть парка. При отсутствии необходимого количества фонарей мои кухонные окна вполне сошли бы за маяк в море – всегда осветят путь для заблудшего.

В последнее время я часто бывала дома. В основном занималась копирайтингом: писала статьи на заказ. Правда, иногда одна моя знакомая вытаскивала меня на выставки администратором. Работа пустяковая, а платили не так уж и мало, поэтому я всегда соглашалась. Помимо прочего я писала, вернее сказать, пыталась быть современным писателем, вела свой блог, выбрасывала деньги на печать тиражей, а они слишком медленно раскупались. Уходили медленно и за копейки. Те книги, что уже месяц пылились в коробках в коридоре, – это первый тираж новой истории, которая умерла младенцем, не успев пожить. Именно по этой причине произведение лежало мёртвым грузом в своём маленьком крафтовом гробике. Я не популярный автор, лишь изредка кто-то из читателей проявлял интерес к моим историям. А я уже прочно вбила себе в голову мысль, что мои книги – провал. Забавно – похвалой можно надавить на больное. Сказать неокрепшему и не уверенному в себе самоистерзанному писателю, что его книга прекрасна, всё равно что сказать «Ваше детище мёртво, но как же оно красиво». Я была одной из тех сумасшедших, которые всюду таскали с собой бумажное тельце, после того как оно сотню раз сдохло.

В дверь постучали. Постучали ещё раз и продолжали стучать, нагло и громко, ровно до того момента, пока я не открыла её.

– Серьёзно? Вас тут и так мало жалуют, после того как вы сломали лестницу, ведущую на чердак! – обратилась я к группе оболтусов, что стояли по ту сторону порога и с щенячьими

² Удельный парк – парк, расположенный в северной части Санкт-Петербурга.. Википедия, прим. автора.

глазками наигранно вымаливали прощение. – Проходите скорее, – сжалась, про себя молясь тому, чтобы соседям именно сейчас не вздумалось выйти за хлебом или на прогулку.

– Да ладно тебе, зато старушка Анна впервые побывала на крыше собственного дома, где прожила всю свою жизнь. Ты разве не находишь это забавным? – сказал Никита, заходя в квартиру.

– Да, наверняка она успела насладиться заходящим солнцем, сначала проклиная вас и тот балаган, что вы устроили, а после врачей скорой помощи, которые уговаривали её поехать в больницу, когда у неё вдруг упало давление, – саркастично заметила я.

Следом за Никитой зашли Миша и Богдан. Они тоже были в той хиппи-компании, когда мы познакомились с Липом в музее имени Пушкина.

– На старости лет и такие приключения! Ей повезло, что мы у тебя есть, – вмешался Миша, вручив мне две бутылки вина.

– Привет, Богдан, – поздоровалась я со следующим «незванным» гостем, которому, на самом деле, всегда была рада.

– Привет, девушка с картины! – отозвался тот.

– Она ничуть на неё не похожа! – утвердительно выкрикнул Никита, а я рассмеялась, вспомнив наше знакомство три года назад.

Все трое разулись и прошли на кухню, как всегда, опустошать холодильник и бить мои любимые последние бокалы для вина. Никита тут же бросился искать свободную розетку не евро формата, которая в моей квартире оказалась всего одна. Ему пришлось поднапрячься и попытеть, чтобы закинуть на двухметровый холодильник коричневый чемоданчик, который он притащил с собой. Никита едва держал равновесие на старом стуле, что раскачивался от каждого его движения, когда протаскивал старый пыльный провод между стеной и морозильной камерой. И только после всех этих манипуляций он просунул руку и, наконец, вставил вилку в розетку.

Краем глаза я заметила, как Миша и Богдан уже разглядывали мой холодильник, и улыбнулась этой нестареющей традиции.

– Так, ушли отсюда! Мешаете! – Лип прогнал парней от холодильника, но те уже успели вытащить из него палку колбасы и маслины, которые я очень любила.

– Ты же собираешься объяснить, что происходит? – спросила я.

– Лучше спроси, что произойдёт! – воодушевлённо ответил Никита.

– И что же?

Но он молча прошёл по коридору, достал из пакета большой квадратный конверт и вернулся в кухню. Я умилилась, как он торжественно оголил виниловую пластинку. Как только я поняла, что это – начала прыгать от радости.

– Это виниловый проигрыватель? – зная ответ на вопрос, спрашивала я. Мне хотелось утвердить это в памяти. – На моём холодильнике стоит чёртов виниловый проигрыватель!

– Это прошлое! – воскликнул Никита и осторожно поставил пластинку. – Туго идёт, – подметил он.

– Значит, продавец не обманул: новая, неиграная, – подхватил его мысли Богдан, закинул маслину себе в рот и предложил мне уже почти пустую банку.

Я заметила на дне пару маслин и грустно вздохнула. Он пожал плечами и закинул остатки в рот.

– Такая старая. Жаль, что её никто так и не послушал, – прокомментировал Миша.

– Ну это мы сейчас исправим! – проговорил Никита, внимательно изучая выключатели.

– Включай давай! – заверещала я.

– Вера, – с наигранной торжественностью обратился ко мне Никита, – готова оказаться в 1963?

– С тобой где угодно, – ответила я, а он опустил иглу, и квартиру наполнил приятный треск. Это трещали события прошлого: трещал визит Фиделя Кастро в СССР, трещала свадьба Терешковой, которой все восхищались, трещал разгром Вознесенского, трещала прямая трансляция похорон Джона Кеннеди.

– Позволишь? – Богдан подал мне руку и, получив согласие, закружил меня в танце под мелодию молодых Битлз.

И мы кружили босиком без усталости до самой ночи. Я чувствовала себя по-настоящему живой, искренней и невероятно счастливой. Я заливалась громким смехом, когда в танце до меня доносилось пение Богдана. Он не знал слов, но попадать рандомными звуками в ноты у него отлично получалось. Иногда я смотрела на него и видела того самого мужчину, с которым готова была вечно кружить в танце под названием Жизнь... Но что-то каждый раз приводило меня в чувство. Богдан был слишком робок, точно не герой моего романа, но временами что-то в нём менялось. Например, сейчас, когда он не стеснялся хватать меня за талию и не отводил глаза от моих.

Никита с Мишей весь вечер спорили на тему творчества. Последний утверждал, что творчество неотделимо от личности. Ему никак не удавалось выстроить между ними стену. Лип же, наоборот, говорил, что очень часто случается так: поистине значимые вещи создаются теми ещё мерзавцами. Он приводил в пример Берроуза³, которого сам любил временами почитать. Да, он наркоман, алкоголик и убийца, но отрицать его вклад в литературу бессмысленно! Парни так и не пришли к единому мнению.

Наши вечера часто проходили подобным образом: вино, которое рано или поздно заканчивалось, громкая музыка, попытки Богдана зарисовать образ каждого из нас в скетчбуке – я и Лип любили ему позировать, и разговоры – иногда ни о чём, иногда о высоком и важном.

Пластинка была прослушана с каждой стороны по два раза, кончилось вино и настало время идти в магазин: никто из нас не мог вовремя остановиться. Оставалось только определиться с выбором. Мы с Никитой решали, какое вино взять – это было нашей традиционной игрой, в то время как Миша с Богданом обувались.

– Мальбек! – воодушевлённо произнесла я, уже предвкушая свою победу в нашем глупом споре по выбору вина.

– Красностоп, – уверенно ответил Никита.

– Пино нуар! – Слова моментально вырвались из моего рта.

– Рислинг! – с небольшой задержкой выдал оппонент.

– Эм-м... – я попыталась напрямь все свои извилины пьяного мозга, вспомнить все этикетки вин, что пробовала когда-то, но ничего так и не приходило на ум.

– Ты знаешь!

– Дурацкая игра! – раздосадованно ответила я.

– Ну же! – Никита с надеждой посмотрел на меня. – Гренаш! – Не дождался своей очереди и выпалил, пока я думала.

– Даже не слышала о таком. Это вообще настоящий сорт винограда? – недоверчиво посмотрела на него.

– Решено! Миша, покупай Гренаш. То, с петухом на бутылке!

Когда Миша и Богдан ушли в магазин, пластинка всё ещё играла. Она всё кружила в диком виниловом танце, развлекала нас и как фокусник доставала пушистых кроликов из чёрной шляпы, тянула бесконечные платки – разноцветные воспоминания о времени, в котором нас никогда не было и быть не могло. А кроликами были мы сами – белыми пушистыми комочками, с испуганным взглядом и искренним непониманием, как мы там уместились. Она дурила

³ Уильям Сьюард Берроуз – американский писатель и эссеист. Один из ключевых американских авторов второй половины XX века. Считается важнейшим представителем бит-поколения. Википедия, прим. автора.

нас, показывая свои иллюзии, гипнотизируя звуком. Она давала нам ощущение невозможного – путешествия во времени. Она играла с нами, как с кроликами... Белыми и пушистыми кроликами.

Ближе к ночи уже в полном составе мы были всё там же и занимались всё тем же: безрассудно прожигали жизнь, ведь именно для этого она предназначена.

– Прочитай! – потребовал Никита, сунув мне в руки один экземпляр книги, который он без спросу взял из коробки, когда выходил из уборной.

– Ещё чего! – возмутилась я.

– Какой из тебя писатель, если ты стесняешься зачитать свои же строчки? Ты не писатель, ты краснолицая стыдливая девочка!

– По-видимому, плохой из меня писатель. Америку ты мне не открыл!

Я почувствовала, как горят мои щёки, уши, пальцы.

– Так не годится, – подметил Миша, а я сурово посмотрела на него. Он задумчиво сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и медленно потягивал сигарету.

– Твои книги так и будут лежать в коридоре? – разочарованно спросил Никита.

– Слушай, я боюсь, ясно тебе? Боюсь, что они будут никому не нужны. Возможно, им безопасней там – в коробках.

– Зоопарк какой-то! – вмешался Миша, затушив окурок в пепельнице.

Один возмущённый и два заинтересованных взгляда уставились на него.

– Продолжишь мысль? – с интересом спросил Богдан.

– Зоопарк, говорю! Закрывает зверя в клетке и думаешь, что так правильнее. Животному лучше на воле, в своей стихии! Зверь не боится, что с ним что-то случится. Но если и произойдёт с ним беда, то он либо выстоит, либо погибнет. А в клетке для него подготовлено лишь одно: смерть. Смерть, которая станет для него спасением.

– Вопрос в том, хочет ли она, чтобы смерть её книг и творчества стала для кого-то спасением или даже облегчением? – задался вопросом Никита, последние слова выделив особенно эмоционально.

– Лип и Миша дело говорят. Думаю, что не хочет. Вот и я порой смотрю на свои картины и буквально ненавижу их, – вмешался Богдан. И когда он говорил, я заметила, что он даже сжал зубы, настолько его задели мои слова. – Так и хочется всё переделать. Или разорвать и выбросить куда подальше. Но я всегда помню одно... Помню, как мне было хорошо, когда я писал их. Каждый мазок чего-то стоил, даже той ненависти, которую я испытывал после. Но вот что я уяснил раз и навсегда: ненависть никуда не уйдёт, так же как и любовь. Эти двое так же неделимы, как состав масла, которым я рисую картину. Одно без другого не выйдет. – Богдан смотрел на меня с надежной и предвкушал мою реакцию на свою речь, но я не знала, как оправдать себя. – Это как масло без пигмента! Всё одноцветное!

– Да, и ты выставляешь свои картины, – поддержал его Никита.

– Ведь считаю, что...

– Зверя нельзя держать в клетке! – продолжил за него Миша.

– Можно сказать и так, – согласился Богдан.

– Ты талантлив. Ты просто хищник! – выдала я. – Если во мне и живёт зверь, то это заяц! Чуть что, сразу уношу свои лапки.

В обычной жизни Богдан вёл себя сдержанно и рассудительно, а вот в творчестве он нарушал все границы.

– А мне нравятся зайцы. – Миша не меня пытался поддержать, ему и вправду нравились зайцы.

– Кстати, зайцы могут умереть от страха, – как бы между прочим сказал Богдан.

– Вот, пожалуйста, это со мной и случится!

– Дурость! – горячо воскликнул Никита. – Прочитай! – Он сунул мне в руки книгу, но я, как ошпаренная, отскочила от него.

– Нет, как бы складно вы не говорили, моих чувств это не отменяет!

Нашу перепалку прервал громкий щелчок – это игла соскочила с пластинки. Все одновременно посмотрели в сторону холодильника.

– Бред! – не согласился Лип.

– Отлично! Если так хочешь, то сам бери и читай! И смени уже эту чёртову пластинку!

Никита подошёл к проигрывателю, вернее, взобрался на стул рядом с холодильником. В губах у него была зажата сигарета, от дыма которой его глаза слезились, в одной руке он держал мою книгу, а другой ловко менял пластику.

– Помнишь, я рассказывал тебе о писателях потерянного поколения? – Закончив с пластинкой, он с важным видом облокотился на холодильник.

– Конечно, помню, что за глупости? – ответила я и взглянула на фотографию Джека⁴, что висела над кожаным креслом, которое раскладывалось в кровать, когда кто-то оставался ночевать у меня.

Пластинка сменила несколько пустых трескающихся оборотов, и комнату наполнил одинокий звук саксофона. Никита загадочно улыбнулся и открыл книгу с середины. Его довольную улыбку дополнила партия пианино, ритм мелодии стремительно нарастал.

– Даже не смей! Не оскорбляй ни меня, ни их, ни, мать его, этот прекрасный джаз! – разгадав его задумку, закричала я.

– Сядь и сиди! – приказал он.

– Ты не сделаешь этого! Не сделаешь! Не дашь мне сгореть от стыда...

– От страха, – поправил Богдан. – Вот и докажешь, правда это или нет.

Он был явно доволен собой. Ему редко удавалось меня подколоть, в основном таким промышлял Миша. Я оценила.

– Друзья, – Никита обратился ко всем, – я рассказывал вам о писателях потерянного поколения? Наверняка! Но для большей значимости повторю. – Он проговаривал каждое слово достаточно торжественно и вполне мог сойти за актёра дешёвого театра. – Так вот, иногда они собирались, чтобы почитать друг другу.

– Или выпить, – встрял в его монолог Миша, смеясь.

– И выпить. Тут не поспоришь. И послушать пластинку одну другую, под которую они и зачитывали отрывки своих романов. Брели первый попавшийся кусок и смешивали его с джазом. Прямо как виски со льдом. Они дополняли друг друга. Не было ни схем, ни правил. Не было ничего, кроме свободы слова и свободы духа. Они импровизировали, брали слова из головы, из новых и прошлых романов и взбалтывали. Трясли и мешали. И разгоралось безумие! И все улыбались. Всем было так весело! – рассмеялся Никита и посмотрел в мои глаза, дождался подходящей ноты и вылил на меня этот коктейль из позора и неуверенности в своём тексте.

– О боже! – вспыхнули щёки, вероятно, я покраснела, мне хотелось сквозь землю провалиться. Я натянула горлышко водолазки на лицо.

– Эй, это не так уж и плохо! – Богдан толкнул меня плечом и нежно приобнял.

Никита стоял на стуле, как экспонат в галерее современного искусства. На нём были мятые хлопковые штаны и серая футболка, которую он вскоре снял, решив, что стало слишком жарко. Окружающая его атмосфера как будто подыгрывала ему, но в то же время противоречила здравому смыслу. Плечом он облокачивался на современный холодильник, на котором стоял проигрыватель и безостановочно крутилась пластинка. Сейчас Лип находился в питер-

⁴ *Джек Керуак – американский писатель, поэт, важнейший представитель литературы «бит-поколения». Википедия, прим. автора.*

ской сталинке, недалеко от блошиного рынка, где на днях и купил эти штаны, но в губах он зажимал фильтр с кнопкой. Ему несомненно шёл этот образ. Богдан тут же достал скетчбук и кусочек чёрной пастели⁵ из своей сумки и принялся набрасывать силуэт Липа. Никита же продолжал свою речь о потерянном поколении, а в руках держал мою книгу. Слова вылетали изо рта вместе с дымом и наполняли комнату, как и мой стыд. А мне ничего не оставалось, кроме того как смириться, подобно тлеющему табаку в его сигарете. Сгорать и превращаться в дым.

Возможно, я ошибалась, и кухня предназначена не для еды, готовки или письма. Кухня нужна для посиделок с друзьями, для уюта и разговоров, а если хочется, то и для танцев под музыку ушедших лет – нынешних лет. Кухня нужна для трусости и неловкости. Для людей, которые бьют тебя под дых и вытаскивают из зоны комфорта. Этим людей мы называем друзьями.

⁵ *Пастель (фр. pastel, итал. pastello, от итал. pasta – тесто) – наименование группы художественных материалов и техники рисунка, применяемых в графике и живописи. Википедия, прим. автора.*

Высота 6 метров

Санкт-Петербург, Нежинская улица, дом 4

Когда стихает веселье для всех, для писателя оно только начинается. Было около шести утра, гости уснули, а я осталась наедине со своими демонами, бардаком на кухне, липким столом от пролитого вина, коробками книг в коридоре и фотографией Джека, наблюдающим за мной со стороны.

– Что скажешь? Сплошной декаданс, правда? Всё давно изжило себя и медленно умирает. – Я обратилась к чёрно-белой фотографии, мужчина на ней был расслаблен, словно пребывал в неистовом наслаждении. – Неужели это те чувства, о которых ты писал в своих книгах? Омерзительные и гадкие. Ради чего это всё? Ради поиска смысла? Бред! – последнее выкрикнула. – Полная бессмыслица! – Я закурила сигарету и продолжила свой монолог, бесцельно расхаживая по комнате: – Я никогда, никогда не приближусь к твоему мастерству даже близко. Одно ничтожное предложение мне не удаётся настолько полным смысла, безрассудства и гармонии, как получается у тебя. Я никогда не познаю твою душу, тот смысл, который ты несёшь в каждом своём слове. Я никогда не стану тобой, а самое страшное, что, вероятно, никогда стану настоящей собой, которая принесёт в литературный мир что-то новое, свежее, живое. Мои книги останутся лежать в коридоре, а Лип вскоре устанет подбадривать меня. Всё это какая-то бессмыслица, – повторила я, – бестолковщина! Где моя точка опоры? Почему я не чувствую её под ногами? Я сорвалась, но... но... но-о!

Мои чувства вырвались из меня, взлетели в небо и начали рассекать его с невероятной, немислимой скоростью. Подобно гигантской механической «птице», они принялись рвать графитовое полотно на части, закручивая на нём мёртвые петли, затягивая их вокруг моей шеи.

– Эмоции! Вот, что однажды погубит меня, – продолжила я. – Но я постараюсь выбраться из замкнутого круга, постараюсь излечиться от этой писательской лихорадки... когда-нибудь. Когда-нибудь, а пока я только проклиная всё и всех. И не могу остановиться. Пишу и продолжаю писать, а потом бросаю своё творение в коридоре. Я совсем его не берегу.

– Он тебе не ответит, – сонным голосом с насмешкой сказал Никита.

– Я думала, ты спишь.

– А я спал, пока меня не разбудили твои громкие монологи. Если не рассчитывала, чтобы тебя услышали, могла быть и потише.

Он был прав: я не желала быть услышанной, но я хотела получить ответ.

– Знаешь, у меня есть знакомый, который держит книжный магазин. Тот ещё мерзкий тип, знаю-знаю, – зевнул Никита, – но может, тебе стоит поговорить с ним? Я организую встречу.

– Тот сноб, который продаёт только классику? Ещё чего!

– Я слышал, что у него дела сейчас идут не очень и он поставил на прилавки и современную литературу.

– Он точно не возьмёт самиздат⁶.

– Не попробуешь – не узнаешь.

Я вновь посмотрела на Джека, и мне привиделось, что он мне подмигнул. Я вздрогнула.

– Он тебе не ответит. А ещё он не судья и уж тем более не пример для подражания, – добавил Никита, заметив, как я метнула взгляд мимо него.

⁶ Самиздат – это самостоятельное издание книг на личные средства автора при сотрудничестве напрямую с типографиями без вмешательства издательств. Прим. автора.

– Ты прав. А я, возможно, слишком пьяна. Подумать только, веду разговоры с портретом мертвеца на стене!

– Ты точно пьяна! – усмехнулся Лип. – Сделай себе кофе. – Он подошёл к плите и щёлкнул выключателем газа. – Керуак умер от алкоголизма. – Никита приблизился ко мне, крепко обнял со спины и нахально поцеловал в шею. Вот кто точно никогда не стеснялся своих чувств, но мы были друзьями, просто со временем стали так близки, отчего не видели барьеров для выражения нашей любви и заботы. – Кофе, слышишь меня? А насчёт магазина я всё же узнаю.

– От цирроза печени, – пробормотала я.

– Прости? – не разобрал моих слов, спросил Никита.

– Керуак умер от цирроза печени в одном из Санкт-Петербургов США⁷.

– Не романтизируй.

– Ты же знаешь, романтика – не моё, – закатила глаза, – я по части драмы.

Никита ушёл, ничего не ответив, и когда проходил мимо меня, потрепал по кудряшкам. Этот жест был красноречивее всех слов. Мол, Вера, ты накручиваешь себе. Сама ведь не знаешь, насколько талантлива.

Я вновь осталась одна. Только теперь обстановка вокруг изменилась: запахло газом, а голова наполнилась мыслями, идеями и невообразимыми картинками. Под кожей закипела кровь – я буквально чувствовала, как она течёт по моим венам. У меня не было выбора. Враньё! Он был: мне было дано либо убиться газом, либо сварить себе крепкий кофе, достать ноутбук и начать писать. И как бы не был высок соблазн остановиться на первом варианте, писатель всегда выберет веселье – своё и особое. Хотя история помнит и противоположные случаи.

⁷ По данным Географического указателя США, в стране насчитывается 35 населённых пунктов с названием Сент-Питерсберг, а по материалам офиса Международных информационных программ в Вашингтоне – 52. Наиболее красивый, известный и самый большой Петербург находится во Флориде. Точно известно: назван он в честь Санкт-Петербурга. Википедия, прим. автора.

8

Трасса №77 была ещё совсем новой и позволяла на день сократить путешествие к морю. Дорога пользовалась популярностью, хоть и расстилалась среди глухих деревень и небольших городов. Лишь пару сомнительных отелей и кафе – это всё, что она могла предложить путникам. Одним из таких заведений управляла Сюли – изящная женщина с китайскими корнями по линии матери. Та в своё время гордо носила фамилию Чень, была замужем за русским греком и после своей смерти оставила дочери кафе, которое назвала в честь неё.

Сюли было за сорок, но ей удавалось выглядеть моложе своих лет. Не имея большого опыта, она ловко справлялась с обязанностями управляющей, даже когда гостей в кафе заметно прибавилось. Сюли вела строгую отчётность, была скупа и имела скверный характер. Судьба не была к ней благосклонна: голодное детство, потеря матери и болезнь отца – мало кто останется добродушным и открытым. Но несмотря на недостатки самой владелицы, посетители оставались под приятным впечатлением от кафе «Сюли».

Раньше в кафе было совсем пусто. Особенно после того, как вездесущая смерть отметилась в прошлом – в далёком прошлом во времена Первой мировой войны. Она буквально высосала душу из каждого горожанина, не забыв и про плоть, а после выплюнула косточки на оплакивание любящей семье. Тогда Сюли была совсем девчонкой, с неба падали большие медные капли так громко, что даже мамыны руки, закрывающие крохотные ушки Сюли, не спасали от ужасающего гула Чан-Чон⁹.

Город так и не обрёл успокоение. Война закончилась, но уже десятки лет людей не покидает могильная пустота. И эта яма так и не смогла наполниться – ни на грамм, ни на миллиметр. Слово у людской души образовалась зияющая пропасть размерами с целый мир, и казалось, что она никогда не срастётся. Так и будет ожидать времени, пока их самих не уложат внутрь, а сверху не засыпят землёй.

Кто-то говорил, что война не окончена, что она ещё заглянет в дома и в кафе, что она ещё ударит по миру с двойной силой. Когда-нибудь война пробьёт дно, которое, к несчастью, давно уже видно. Но сейчас никто не хотел слышать о войне. Мир залечивал внешние раны: восстанавливал здания и инуровал пригороды асфальтированными нитями, а Сюли обслуживала приезжих, разносила подносы в своих худощавых руках, вытирала столы до блеска, вечерами выполняла роль уборщицы, чтобы сэкономить. И порой Сюли не понимала, откуда у некоторых людей берутся деньги, чтобы зайти к ней в заведение, заказать полный поднос еды, а после ещё и отправиться к морю.

Публика в кафе была разношёрстная. В заведение заглядывали как состоятельные граждане, прибывшие на собственной машине с полным кошельком отпускных денег, так и бродяги, проезжавшие автостопом. Лишь взглянув на человека, Сюли с лёгкостью распознавала, кто может заплатить за обед и его внешний вид небрежен лишь от долгого нахождения в дороге, а кто не имеет ни гроша в кармане. Сюли терпеть не могла грязь на людской коже и под ногтями, вид сальных волос и запах пота вызывали у неё отвращение, но она всегда относилась к бродягам хорошо, пока те вели себя достойно: не мельтешили у кафе, прося милостыни в хлебный час, и уж тем более не ступали на порог, когда в кафе были посетители.

Кафе «Сюли» наполняли и постояльцы: местные всегда были рады отведают картошки с соусом и запить поданное на чугунной скворчащей сковородке бокалом тёмного пива. К светлomu же подавались куриные бёдрышки в панировке. Иногда Сюли готовила посредственную, по мнению её матери, фунчозу – в особый день, когда народу в кафе было не так много. Если

⁸ ## (Xiùlì) – женское китайское имя «Сюли». Прим. автора.

⁹ ## (Zhànzhēng) – «война» в переводе с китайского языка. Прим. автора.

честно, Сюли никогда не ела традиционной фунчозы и никогда не бывала в Китае, но её мать Айминь старалась передать дочери таинства национальной культуры. В роду Сюли с обеих сторон намешано было всякого, как и в пиве, которым она торговала. Отчего Сюли Чень с каменным лицом вписывала в меню всё, что когда-то пробовала, и то, что умела готовить её кухарка, при этом её совершенно не смущало китайские название на вывеске. Оно ни к чему не обязывало. Если посетители, увидев иноязычное слово, просили подать Баоцзы, утку по-пекински или, на худой конец, лапшу, то Сюли сразу же про себя возмущалась подобным стереотипам, но всё же мило улыбалась посетителям, предлагала им меню со словами: «Мы готовим из того, что есть. Могу подать вам фунчозу». Рисовую лапшу почему-то никто так и не заказывал. Но всё равно таким клиентам в добавок к острым крылышкам и картошке Сюли обязательно подавала китайские палочки. «Это фишка заведения», – ехидно объясняла она.

Высота 6 метров

Санкт-Петербург, Нежинская улица, дом 4

Я всегда хотела стать известным писателем. Хотя больше мне нравилась идея быть читаемым автором, но, как показывает практика и говорит логика, одно без другого невозможно. Современный мир полон сюрпризов: любая бестолочь вовремя чихнёт – и станет известной, в то время как настоящие таланты гниют где-нибудь в виртуальной подворотне. И как они не чихают, не кричат и не молят – их никто не слышит. И что же им остаётся? Гнить? Кто-то пытается выкарабкаться, а кто-то не согласен со своим положением.

Иногда и меня кидало из крайности в крайность: то я сдавалась и плыла по течению, то не теряла надежды и действовала. Но раз за разом наступала на одни и те же грабли. Писала новую историю и почти сразу разочаровывалась в ней и в себе. И так по накатанной. И всё равно – каждый раз – после завершения одной истории начинала следующую. Я снова взялась за новую, когда предыдущие книги по-прежнему пылятся в коробках в коридоре. Слова Никиты что-то всколыхнули во мне. Ещё не выветрившийся запах газа смешался с ароматом кофе. Это амбре напомнило мне одну придорожную кофейню из детства. Расплывчатый образ всё никак не вырисовывался в голове, но от него веяло теплом. Мне хотелось задержаться на нём. Вероятно, я придумала себе кафе заново из крупиц далёких воспоминаний, отрывков книг и сотен фильмов, просмотренных за жизнь. Мне не пришлось долго думать, я только открыла документ – текст полился самостоятельно.

Так из одного детского воспоминания, липкой от вина кухонной столешницы, аромата кофе и пачки китайской лапши, что выглядывала из мусорного ведра, родилась моя новая история «Сюли». Я чувствовала, что именно с ней будет всё иначе. Она была особенной. Но так же я думала и про другие свои книги...

В детстве все мы маленькие писатели. Каждый из нас создаёт в своей голове историю, а после мы взрослеем и стараемся воплотить её в жизнь. Каждый из нас продюсер, сценарист, главный герой и антагонист своей жизни. Реальный сценарий всегда плох – не то что у других. Наверняка мой сценарий жизни вполне бы устроил кого-то из вас, в то время как мне бы отлично подошёл ваш.

Я оставила эти слова под качественной фотографией в своём блоге. Фотографией, что кажется совершенно иной версией меня. Да и слова совсем не те, что я говорю в жизни. Обычно я выражаюсь проще.

Любимое дело, работа, дом, друзья – у меня было то, что нужно человеку для счастливой жизни. Я не искала любви, считала, что она сама меня найдёт. Всё, чего я хотела – это прежде всего полюбить саму себя. Свои вечно запутанные чёрные кудри, свою манеру общаться, говорить, держаться в обществе, свою нервозность, свой дилетантский стиль письма и свою лень. Я желала принять все свои недостатки. Хотела любить себя за них, как любила Никиту за его небрежность в отношении к окружающим, за его эгоизм и самолюбование. Хотела любить себя, как любила Богдана за наивность, за чрезмерную доброту к окружающему миру и за робость. Хотела любить себя так же, как любили меня они. Но я не знала, заслуживала ли их любви. Заслуживала ли любви тех, кто поддерживал меня в блоге, заслуживала ли своих читателей.

Целыми днями я была предоставлена сама себе. Я находила время на раздумья и самостязание, находила время на написание книг, а главное – у меня было желание, но не всегда хватало сил. Все свои тексты я писала под влиянием вдохновения. Оно выжимало из меня все

соки. Я не прогрессировала, а забывалась, отдавая себя без остатка этой стихии. Когда вдохновения не было, я съедала себя изнутри. Богдан говорил, что одного вдохновения мало, и он прав. Неподготовленному уму отдавать себя на растерзание этому чувству – смертельно. Смертельно для маленького писателя внутри. Это как у спортсменов: нужна подготовка, мощь, недостаточно только теории, чтобы поднять гирию. Иначе надорвёшься. А я как раз этот маленький писатель, которому не хватало опыта и знаний, чтобы выдать на бумагу что-то действительно стоящее – первоклассное.

Вот я и мучилась. Внутри меня было столько прекрасного, но я совершенно не понимала, как мне с этим обходиться. И парадокс в том, что писатель учится исключительно на своих ошибках, он не вырастет, пока не набьёт себе шишки. Так и останется маленьким писателем, а может, ещё больше уменьшится в размерах.

Если бы я хотела отыскать здравый смысл в своей жизни, то начать нужно было бы с моих отношений с Никитой. Он написал за десять минут до того, как объявился на моём пороге со своей очередной пассивой. У Липа был дурной вкус на женщин – он любил всех без разбора. Будь то танцовщица из клуба, одна из однокурсниц Богдана с художественно класса, французка, которую он подцепил в сапсане, мама восьмилетнего мальчика... И вот теперь Катерина – длинноволосая блондинка с густыми белыми бровями, словно опалёнными; с белой, как бумага кожей; веснушки покрывали все видимые глазу участки её тела, осмелюсь предположить, что под одеждой они тоже были сплошь и рядом. В шутку мы с Богданом называли его девиц «новобранцами». Лип любил каждую по-своему, упивался их душами, их красотой, их любовью и их телами. Страсть между Никитой и девушками разгоралась быстро, но так же быстро угасала, а потом вспыхивала по новой – раз за разом. Все сердечные чувства для него хоть и были игрой, но не шуточной затеей. Никита отдавал всего себя, правда, быстро угасал и никогда не задерживался в отношениях надолго.

Когда я увидела Катерину, сразу подумала о нас тремя годами ранее. Во время когда и мы были влюблены друг в друга. Время, когда для нас просто любить было слишком мало.

Высота 43 метра

Берлин, три года назад

Берлин был для нас незнакомцем, как и мы для него. Да и нас с Липом я считала незнакомцами. Лишь несколько встреч – их было слишком мало, чтобы познакомиться ближе, но достаточно, чтобы многое понять о наших личностях. Мы провели вместе несколько потрясающих часов в разговорах, наполненных волнующими мыслями, неосторожно брошенными фразами, мы совершали безответственные поступки и принимали поспешные решения. И один из таких безумных поступков – сорваться и вместе поехать в Германию.

Кто бы мог подумать, что я позволю себе уехать по первому зову сердца в другую страну, да ещё и с парнем, который не вызывал никакого доверия? Так говорила моя знакомая, но сама я не держала её мнение за правду. Наша встреча с Никитой на выставке не была случайной. Наша одержимость искусством, любым проявлением творческого нутра, наша безоговорочная любовь к творениям Курасова, его острому взгляду и страстному содержанию... Я готова была поклясться, что тогда, в музее, я встретила родственную душу.

Так почему же я нарекла нас незнакомцами? Причина крылась в самопознании. Если за всю свою жизнь я не узнала себя, то как могла изучить кого-то другого за столь короткое время? Сама только мысль о том, что кто-то мне стал ясен, как небо в мороз, пронзала меня дрожью и приводила в ужас. Другое дело, если сначала бы я узнала себя...

Что могла принести нам эта спонтанная поездка? Никто из нас не знал. До недавнего времени я и сама не знала, на что способна. И вот мы два незнакомца – неизвестные миру, друг другу и самим себе – вышли на перроне вокзала Берлин-Восточный, связанные одной целью: посетить эксклюзивную выставку современного искусства, заодно не растеряв наше всепоглощающее чувство влюблённости, похоти и внезапно возникшего драйва жить. Тогда я только начинала писать свою вторую книгу, смысл жизни ещё не был до конца приобретён и ещё не был до конца потерян.

Берлин. Бар был полон выпивки. Музыка играла громче положенного. А люди казались счастливее. Проходили мимо. Улыбались. Смотрели в глаза. Сначала я робела и отводила взгляд, пока Никита не повёл меня танцевать, тогда я отбросила свою зажатость. Его демонические глаза были полны восторга, полны наслаждения. Я смотрела и не могла отвести от них свой взгляд. Это был наш вечер – кутёж и свобода, которые продлились до утра. Тем вечером мы познакомились с очаровательной парой Исааком и Кристен. Именно это событие придало немного ясности чувствам между мной и Липом. В миг наш союз был разрушен желанием любить весь мир.

Я сидела на веранде чужого дома. Тянуло сыростью. Пластиковая садовая мебель, перила и десяток растений, высаженных по периметру, были усыпаны серебряными каплями. Какое-то сливались вместе, отчего становились слишком тяжёлыми и стремительно стекали вниз, падали и разбивались.

Чем закончился минувший вечер? Дикими жаркими танцами, пьяными шутками и весёлой поездкой на такси к новоприобретённым друзьям на квартиру. Никита не чурался громких и поспешных высказываний. Если ему было хорошо в моменте, то люди рядом сразу становились его друзьями. Если ему нравилась девушка, то теперь она была его возлюбленной до конца жизни. Сначала я думала, что он действительно любит, помнит каждую, но когда безумие стихало, он тоже угасал. Его огненно-медные глаза мрачнели и становились просто карими, его развязный язык затягивался в тугий узел. Если до этого Лип был всюду, то в такие моменты он

просто исчезал. Мне не нужно было много времени, чтобы заметить это. И я всё ждала, когда его глаза перестанут смотреть в мою сторону.

В отличие от Никиты я считала наших компаньонов ещё бóльшими незнакомцами, чем были мы сами. Но тогда меня тянуло к подобному: к Липу, к этим новым «друзьям», к новому для меня желанию – жить беззаботно и радостно. В подобные моменты я не изводила себя мыслями – мне были недоступны саморазрушающие мысли. Их просто не было. Пропадала вся нелюбовь к себе, уходили писательские переживания. Но всё равно разрушение приходило после – на трезвую голову. Я скрывала своё чувство стыда от Никиты, а он видел, интуитивно чувствовал его, но не говорил мне ни слова. Возможно, именно за это я так быстро его и любила.

За события того вечера мне тоже было стыдно. Танцы зашли дальше... Дальше чем флирт и поцелуи. Той ночью мы выбрали любить других, и этот выбор остался с нами. Мы вели игру порознь. Никита с Кристен. Я с Исааком. А после мы все слились воедино. Без осуждения. Я надеялась проснуться в беспамятстве, но не вышло: я помнила всё. Помнила нашу жадную страсть и нашу игру в гляделки, помнила то наслаждение и ревность, которые мы разделяли в тот миг. Я помнила всё – даже мысль о растерянных целях нашего приезда.

Никита раздвинул стеклянную перегородку и вышел ко мне на веранду. По телу сразу пробежали мурашки.

– Как же холодно. – Он бросил мне в руки плед и прошёл к перилам, облокотившись на них.

Выглядел он помято: на лице выступила щетина, волосы хаотично взлетали вверх с дуновением ветра. Его голова явно раскалывалась: он морщил лоб и нос, словно мир вокруг резко стал слишком громким. Но приподнятые уголки его губ говорили мне, что Лип был доволен как кот. Он достал пачку сигарет из заднего кармана брюк, пару раз крутанул её в руках, после чего вынул сигарету и зажал её между губ. Всё это он сопровождал лёгкой ухмылкой, будто прогонял в уме все события прошлой ночи и каждый раз хмыкал про себя: ну и вечерок, ну и ночка.

– Давай уйдём сейчас? – предложил он.

– Сейчас?

– Да, свалим, пока они не проснулись. Может, позавтракаем пивом с донером¹⁰? А после как раз откроется выставка.

– Хорошо. Через пять минут. Светает, – сказала я и посмотрела сначала на небо, а после на отражение спящего Исаака в окне, и, сама от себя не ожидая, хмыкнула: – Действительно, ну и вечерок.

Внутри всё сжалось. Лип заметил это, сел рядом и укрыл нас пледом. Он закинул руку мне на плечо, и я вдруг осознала: мне почти одинаково хорошо как с Исааком, так и с Никитой. Но если при виде первого у меня волнуется всё ниже живота, то при виде Липа у меня трепещет душа и сердце. Мужчина, который сейчас обнимал меня, – не парень на одну ночь и даже не друг на лето.

Время шло. Тучи над домом рассеивались. А мы всё сидели на веранде и всматривались в блестящие капли, которые подсвечивало восходящее солнце. Ветер медленно высушивал поверхность, и каждая из капель была прекрасна по отдельности. Каждая из них вдруг стала самой красивой жемчужиной на свете, перед тем как навсегда исчезнуть с лица земли.

Пиво и донер пришлились нам по вкусу, как и побег от ночных любовников. Я оставила позади свой грех, оставила стыд. С трудом и не навсегда, но распрощалась с ними. Оставила позади парня с именем Исаак, его чёрные кучерявые волосы, тонкие губы и атлетичное тело.

¹⁰ *Донер или донер-кебаб – это блюдо турецкого происхождения, приготовленное из мяса на вертикальном гриле. ВикибриФ, прим. автора.*

Оставила его незнакомцем, и лишь изредка о нём вспоминала, как и о своей утраченной чести и о навязанной обществом морали.

Свои падения мы помним очень долго, но о них даже забавно помнить, если ты падал в приятной компании. Особенно хорошо, если тебя мотало от одного произведения искусства к другому, сквозь пространство и время, сохраняя в себе всё тот же трепет, что и в самом начале. Я думала об этом, смотря на соблазнительную архитектуру линий на картине Георгия Курасова. На разноцветный калейдоскоп из страданий, любви и страсти. И я верила, что не пропала. Я наблюдала за прекрасным дуэтом в чувственном танце. В них было что-то природное, животное, но не дикое. Они не были львом и львицей, как и не были охотником и добычей. Больше эти двое походили на жука и бабочку. Воздух для них был слишком лёгок, а земля слишком тяжела и губительна. Можно сколько угодно гадать над тем, что свело их вместе. Но что бы это изменило? Они уже были на одном цветке. Жук и бабочка – невообразимая история любви. И это было самое правильное, что когда-то происходило. Может, именно поэтому от них веяло опытом, гармонией и сытостью.

От нас же пахло хмелем и луком. Мы были слишком молоды. Мы были так голодны.

Высота 6 метров

Санкт-Петербург. Нежинская улица, дом 4

Я проводила «влюблённых» на кухню и налила всем чай. Никита часто заходил просто поболтать, просто познакомиться меня с очередной девицей, просто остаться на ночь, просто включить мне любимую песню, просто посмотреть фильм или рассказать невероятную историю, которые вечно с ним приключаются. Меня это не напрягало и не расстраивало. Наоборот, я любила атмосферу, которую приносил с собой Никита.

Не знаю почему, но когда его не было рядом, я словно не позволяла себе по-настоящему расслабиться. Не решалась включить подаренный им проигрыватель на полную мощность, не хотела танцевать и петь. Без него я как будто не могла быть собой. Когда дома был Лип, моё настроение всегда было лучше, словно он заполнял пустоту внутри меня, словно он был моей отвалившейся частью души, потерянной на долгие годы.

– А ведь в этот раз мы зашли не просто так. Собирайся, тебя ждёт хозяин книжного! Лично вручишь ему свою книгу. Он обещал, что прочтёт её. И если разглядит хоть долю того, чем история заинтересует читателей, то возьмёт всю коробку на продажу.

Я опешила.

– Только будь доброжелательна, улыбнись ему, скажи пару комплиментов.

– Это ещё чего? Не буду я унижаться перед ним!

– Это не унижение, так делается бизнес.

– Пф-ф! Даже и не знаю, радостные ли ты мне принёс вести.

– Отчего ж не радостные?

– Ну ты много лестного, – я пальцами указала кавычки, – говорил про него.

– Да, говорил много вещей, которые характеризуют его как зазнавшегося сноба, категоричного человека, идеалиста, но он мой хороший знакомый, он так же как и ты любит книги, крутится в тех же кругах, что и ты. Что с того, что некоторые его качества тебе неприятны и непонятны? Разве цена так высока ради дела твоей жизни?

– Ты прав. Ты как всегда чертовски прав! А я неисправимая ханжа.

– Нет, ты просто потерянная душа, которая отказывается принимать этот мир, пока не примет себя.

– В то время, как этот мир принимает её, – ворвалась в разговор Катерина. Если честно, то от этой молчаливой Белоснежки я и не ожидала ничего приятного, но её слова меня тронули.

– Действительно, – по-доброму произнесла я. – Боже, как же мне порой за себя стыдно! Этот мир даёт мне так много, а я отказываюсь принимать его дары.

Двумя часами позже я обрела статус писателя, чьи книги теперь стоят на витрине книжного магазина. Стоило только отодвинуть свою гордость, натянуть улыбку и из гадкого утёнка превратиться в обольстительного лебедя. Мне пришлось всех обмануть: хозяина книжного, своих друзей и себя. Мне пришлось поверить в сказочного персонажа, которого я создала из себя, и я поверила в него так сильно, что никто и не заметил подмены.

Перед визитом в книжный я выпила рюмку коньяка, потом вторую, выкурила три сигареты. А после почистила зубы с такой силой, что мои дёсны закровоточили. Я нанесла на себя лучший парфюм, надела белую шелковую блузу и собрала волосы в пучок на затылке. Тогда Никита подошёл ближе, осудительно взглянул на меня и расстегнул две верхние пуговицы на блузке, а после растрепал мой пучок и выдернул из него две кудрявые пряди. После он достал из коробки книгу и сунул её мне в руки.

– Не прячь себя, – сказал он.

Потом мы позвонили Богдану, и он тут же примчался за нами на своей повидавшей жизнь машине. Оказалось целым испытанием вместить четверых человек в его старую тойоту, которая была и без того забита художественными атрибутами. Так с нами ещё ехал мольберт, чемоданчик с краской, два холста А3 размера и моя тревожность. Последняя занимала больше всего места.

Высота 6 метров

Санкт-Петербург, «Книжная лавка»

Перед тем как попасть внутрь, я какое-то время нервно мялась у витрины магазина, но в итоге просто открыла дверь и вошла. Не знаю, что со мной случилось в тот миг, но вошла я уже другим человеком. Я сказала владельцу, что впечатлена его вкусом на книги, обронила пару фраз об интерьере. К слову, интерьер и вправду мне нравился, здесь я не соврала. Мужчина лет сорока был польщён моими словами, возможно, поражён красотой, которую Лип выставил наружу. Чувствовала я себя последней сволочью, ведь презирала таких, как этот седоволосый в мятой ситцевой рубаше. От него пахло потом и типовым мужским ароматом «Дыхание свежести» или «Голубая лагуна». Он всё время отпускал заготовленные им ранее фразочки и был особо горд собой, считая, что я сочту его отрепетированное красноречие привлекательным и уместным. Я была не в восторге от мысли, что отдаю свою книгу в место, которым владеет высокомерный сноб. И всё же шла на это, ради мечты, которая всё никак не могла сбыться.

Я грезилась о том, чтобы мои книги стояли на тех же полках, где стоит современная отечественная проза – рядом с лучшими представителями, рядом с настоящими талантами. Как же мне хотелось дать читателям возможность не платить за пересылку, не ждать несколько недель, пока до них доберётся книга. Я так хотела сократить время и расстояние между историей и читателем. А ещё я хотела получить такую возможность с достоинством и трепетом в груди, но получила её через лесть, ложь и свою внешность.

Моя группа поддержки – Богдан, Никита и Катерина – стояла за окнами, но я ни разу не взглянула на них. Я просто сделала вид, что на всей земле мне важен только этот человек напротив. Всё было как в тумане – словно сон, который помнится первые пары минут бодрствования, а потом забывается. Так и я запомнила лишь его слова: «Верочка, вы изумительны! Я с радостью буду продавать вашу книгу. Привезите мне ещё экземпляры». Он даже не стал её читать. Взял те три экземпляра, что я привезла с собой, и сразу выставил их на полку рядом с книгами издательств. Это было дорогое место, не знаю, что он этим жестом хотел показать, мне же было жутко неловко. Он поступил настолько легкомысленно, и казалось, что он сам не ожидал от себя подобного.

Выйдя из книжной лавки, я не могла дышать. Что мне делать? Радоваться? Кричать от счастья? Но моё тело ослабло, а сердце бешено билось, словно я пробежала марафон. Я чувствовала, что добром всё не кончится. Не от чистого сердца это всё, не от чистого...

Весь оставшийся вечер был посвящён мне. Вино, вкусная еда и новая пластинка Армстронга¹¹, которую Богдан приобрёл заранее, чтобы поздравить меня. Откуда он мог знать, что моя книга окажется на полке книжного? Да ниоткуда! Просто Богдан всегда имел при себе что-то важное, нужное именно в конкретный момент: конфеты в кармане, плед с бутылкой вина в багажнике, случайно найденную сигарету в бардачке. Последним, что он подарил мне, была пачка пластырей, когда я стёрла ноги, и вот сейчас – пластинка. Пусть он и приготовил её заранее, неважно – для утешения после проигрыша или для поздравления с победой, но его заготовка была искренней, в то время как заготовленные речи владельца книжной лавки были фальшивы, раздуты и надуманны. Я была тронута подарком Богдана. Это очищало меня. Кто-

¹¹ Луис Дэниел Армстронг – американский джазовый музыкант, трубач и вокалист. Введён в Зал славы премии «Грэмми». Оказал одно из наибольших влияний на развитие джаза и внёс значительный вклад в его популяризацию во всём мире. Википедия, прим. автора.

то радовался вместе со мной. Эти люди с широкими улыбками, пьяными глазами и открытым сердцем приносили в мою жизнь верный смысл.

– Почему мы всегда обо мне? В последнее время я только и чувствую себя огромной проблемой. Такой гигантской. – Я растягивала слова, внимательно наблюдая за тенью, которую отбрасывали мои руки на стене. – Словно на всём этом свете важна только я, а все остальные – это тени, которые не чувствуют боли. Пустые молчаливые тени, что тянутся за мной. – Я посмотрела на Богдана: в его наполненные солнцем глаза. И разглядела в них разочарование. – Ты не думай обо мне плохо, я не считаю тебя своей тенью. Я как раз о другом! Вы же не пустышки, вы же мои друзья, живые прекрасные души, а говорим мы всё обо мне да обо мне. – Разочарование на лице Богдана сошло на нет, или мне просто хотелось так видеть. – Неужели в этом мире плохо только мне? Так не бывает! – Я продолжала плавно водить руками в стороны, изображая на стене неудачный театр теней. – Я плохая подруга, плохой писатель. – Посмотрела на тени. – Плохая актриса.

– Твоя боль настолько велика, что сознание просто не даёт тебе болеть ещё за кого-то другого. – Богдан остановил одну мою руку и крепко сжал её.

– Я должна быть сегодня самой счастливой. Я так выложились перед хозяином магазина, так постаралась быть не собой. И это гнетёт меня. Меня многое гнетёт, многое тревожит... И так мало вещей, действительно волнующих мою душу. Например, сейчас для меня важно: писательство, наша отличная команда и, наверное, всё, – я хмыкнула. – Мои друзья делают для меня так много, большие поступки, а я даже и не знаю, где у кого болит. – Я забрала свою руку из ладони Богдана и вернула её танцевать бессмысленный танец.

– Сказать правду, где болит? – спросил Богдан.

Я молча посмотрела на него и наконец опустила свои руки. Мой собеседник в который раз взглянул на оранжевую стену – на тень, что отбрасывал каштан за окном. Вдохнул полной грудью, затем опустошил лёгкие и снова сделал глубокий вдох:

– *Все мы чужие, далёкие в своих головах и странах*, – сказал он. – *Все мы одиноки в своём городе. В чужом далёком многоквартирнике.* – После Богдан устремил свой взгляд на меня и я продолжила:

– *Все мы повторяемся. Пишем себя заново.* – Я заставила его улыбнуться.

Богдан неспешно коснулся пальцами моих губ. И я замолчала, тогда он продолжил импровизацию.

– *Но забываем главное – мы забываем стирать. И как же иногда хочется закинуть себя в барабан и прокрутить на полной мощности...* – Он убрал ладонь от моего рта и с силой сжал её в кулак, интонацией выделяя последние слова: – *дочиста, добела! Как иногда хочется, но так никогда не сбудется. Нам некому здесь довериться, нам не о чем говорить. Когда-нибудь всё изменится, но главного не изменить.*

«Когда-нибудь всё изменится, но главного не изменить», – повторила я про себя. И вправду время так скоротечно, а мы только и делаем, что разрываем себя на части изнутри. Хотим ли мы освободиться или, может, самоубиться? Ответ на этот вопрос не знает никто. Но одно из его слов я поняла точно: даже такая художественная душа, как Богдан, душа, что, казалось, осознала, как явить свою сущность через холст и масло, требовала чего-то большего. Того, что никогда не сбудется.

Какими были его самые смелые мечты? Казалось, что мы были так близки, но как и с Никитой – мы были незнакомцами.

– Тебе одиноко? – спросила я.

– А тебе? Ты сама окружила себя людьми, которые похожи на тебя больше, чем ты думаешь.

– Да у меня только ты и Лип, – усмехнулась я. Подумала о знакомой, которая иногда подбрасывала мне работу, но мы никогда не делились друг с другом чем-то личным. Я не могла

поставить её рядом с этими двумя балбесами по степени важности. – Ну и ещё Миша, но мы с ним не так близки.

– Ты и Лип, – серьёзно сказал Богдан тоже, что и я, но говорил он о себе. Мы были похожи намного больше, чем я думала. Оба ревностно относились к друг другу, нашему общему другу и своему творчеству. – Лип, ты и мои картины. Я ведь вправду люблю каждую из них, люблю и помню каждого, кого я рисовал когда-то.

Я затаила дыхание, ведь казалось, что он наконец-то произнесёт «люблю тебя», но что-то всегда останавливало его, и в этот раз Богдан сказал:

– Когда-то я рисовал тебя.

– Я храню тот портрет. – Я растерялась и указала на книжную полку, где между томиков особо ценных изданий стоял мой обрамлённый портрет. – Но ты и так это знаешь.

Заметив, как серьёзные глаза Богдана подобрели, я расслабилась и с улыбкой вспомнила нашу первую встречу в галерее, когда я выделила его из толпы. Вспомнила наше первое свидание с Никитой, когда он решил, что было бы здорово, чтобы Богдан нарисовал меня. Поэтому Лип и отвёл меня в академический парк рядом со школой искусств, где учился Богдан. Именно там, сидя на лесенках колонны, возведённой к пятидесятилетию академии художеств, Богдан запечатлел меня на бумаге.

– Мне приятно, что он там. Рядом с изданиями Керуака и Гёссе.

– Там то, что я люблю больше всего. – Моё сердце сжалось настолько сильно, словно я обронила фразу, которую берегла всеми силами под надёжными замками, где-то в самой глубине своей души.

За стеной раздался женский стон. Это была Катерина. Мы слишком надолго оставили их одних, и жажда любви взяла верх. Я привыкла к подобным стонам в своей квартире. Я понимала их. Чувствовала их. Моё тело так или иначе отзывалось на эти звуки, но не ревностью, лишь приятной ностальгией и радостью. Парочке за стеной было хорошо, а я любила, когда кто-то из нас наслаждается этой жизнью.

– Почему ты рядом с Липом? Он же порой бывает таким безрассудным, невыносимым, самовлюблённым негодяем. Таким развязным нахалом, до неприличия... – Стон за стеной стал более интенсивным, из-за чего я немного сбилась с мысли. – Ну вот, что и подтверждает мои слова. Они же ничуть не стесняются, – сказала достаточно громко, чтобы эта дикая парочка за стенкой услышали меня.

– А ещё бывает доброй, понимающей и до боли родной душой, – перебил меня Богдан. – Он тот человек, который должен быть в жизни каждого. Это не обязательно будет положительное событие в их жизни, но тот ценный опыт, который люди вынесут из общения с подобными негодяями, стоит всех бед и горестей, что свалятся на их головы.

– Ты прав. – Я на самом деле так думала.

– Он чёртов демон! Воплощение греха и благодати на земле. Существо, созданное Богом. Он – это равновесие. Концентрация плохого и хорошего, связующее звено, которое удерживает рядом с собой пропащие души, показывая им обе стороны этого мира. – Богдан вновь коснулся рукой моих губ, но в этот раз нежно провёл вдоль и задержал свою тёплую ладонь на моей шее.

– Действительно! Вряд ли бы человек достаточно просветлённый стал тратить своё ценное время на беседы с Липом. Он бы считал себя выше его. Это не привело бы ни к чему хорошему. Человек же ниже никогда на километр бы не приблизился к Никите. Этот простак бы струсил, – я продолжила диалог.

– Мы с тобой – это те самые потерянные души в объятиях демона. Мы так красиво живём, творим... Мы расцветаем, но наши тонкие натуры с такой же силой пронзает боль, самокопание и вина.

Мне до дрожи были приятны его касания. Богдан держал свою руку на моей шее, и ему без слов были ясны мои чувства. Дыхание выдавало меня. Я хотела быть ближе к нему. Хотя

бы просто обнять. До встречи с Богданом я испытывала лишь сексуальное влечение к своим партнёрам, а рядом с ним я жаждала испытать ту любовь, о которой пишут в книгах, которую восхваляют поэты. Ту любовь, которой любят мужчина и женщина. Любовь, не терпящую третьих лиц. Любовь только для двоих.

– Спасибо, что был сегодня рядом... – Я закрыла глаза и прошептала: – Я это ценю.

– Я всегда рядом, – таким же шёпотом ответил Богдан.

– И мы опять вернулись к разговорам обо мне! – Я открыла глаза и посмотрела на Богдана.

– Я рассказал тебе о своей боли, но ты её не поняла. Неужели это никогда не сбудется? – с досадой в голосе произнёс он.

– Если я не поняла, то точно почувствовала.

Я взяла его руку, которая до этого всё ещё обнимала мою шею, и поцеловала её. Прильнула к Богдану и, уставившись в его глаза, замерла в ожидании того, когда несбыточная мечта станет реальностью.

И он поцеловал меня.

##

Кафе «Сюли» мало чем отличалось от любого придорожного заведения. На первый взгляд не было в нём чего-то примечательного, особенного – обычное придорожное кафе. Но долгая дорога как будто прибавляла ему красок, и оно казалось путникам оазисом в пустыне.

Виктория, которая появилась на пороге кафе почти перед самым закрытием, тоже испытала на себе этот магнетизм, что многих притягивает сюда. Выглядела она уставшей, её льняное оранжевое платье было помято, длинные тёмно-русые волосы небрежно заплетены в косу, явно тяжёлый кожаный чемодан испачкан в дорожной пыли. Виктория поставила его у двери, достала оттуда небольшую сумочку, оглядела помещение и направилась в уборную. В зал она вышла уже более свежей, теперь её волосы были аккуратно причёсаны, а на лице появился румянец. Девушка заняла один из столиков и принялась изучать меню.

Сюли подошла к ней не сразу – дала время отдохнуть и подумать. Ей было приятно, что столь юная особа так уважительно отнеслась к заведению – сначала привела себя в порядок и только потом собралась приступить к еде. Подойдя ближе к девушке, чтобы принять заказ, Сюли уловила аромат её парфюма и сразу растаяла.

– Если не секрет, куда держите путь? – не сдержала своё любопытство Сюли, записывая в блокнот яблочный пирог и чёрный чай.

– Скорее откуда. Я возвращаюсь домой, – ответила Виктория. – Уже поздно. – Она посмотрела в окно, но увидела там лишь своё отражение. – Не знаете, где тут можно остановиться на ночь?

– В нашей глуши нет гостевых домов. В километрах двадцати отсюда ближайший. – Сюли убрала блокнот в фартук и спросила: – Пирог греть? – потом уточнила: – Вся выпечка у нас готовится утром.

– Да, пожалуйста. Я подожду, – ответила Виктория и растерянно посмотрела на свой чемодан, брошенный у входа.

Через какое-то время дверь кафе снова открылась. Причём с такой силой, что колокольчики, висевшие в проёме, подлетели и ударили в потолок.

– Опять?! – возмутилась Сюли.

– А ну пошевеливайся! – приказал старик пацану, которого тянул за собой, держа за воротник. – Садись! – скомандовал он. – Смотри на часы! Время позднее, а ты шаршишься. И что тебе дома не сидится? Тут дорога, не место тебе здесь! – громко продолжал старик. – Застал его в кустах у окна. Нехорошо подглядывать!

– Он ребёнок, ему любопытно, – вмешалась Виктория.

– А вы не лезьте не в своё дело! – фыркнула Сюли, окинув всех недовольным взглядом, глубоко вздохнула и вернулась за столик, который едва виднелся из-за барной стойки. Потом принялась дальше разбирать бумаги.

Кухарка в этот момент молча поставила перед Викторией подогретый пирог и крепко заваренный чай.

– Дома папа, – робко ответил мальчик.

На какое-то время все замолчали.

– Вернулся? – раздосадованно спросил старик.

– Угу, мама сказала подождать на улице.

– И давно?

– Не знаю. Может, пару часов, – неуверенно ответил мальчишка.

– Не обманываешь? Небось с самого утра шаршишься, – насторожился старик.

– Конечно, пару часов. Будь дольше, то вся округа уже была бы в курсе, что его выпустили! – вклинилась в разговор кухарка, которая протирала столы. – Наверное, голоден? Иди садись за стол, я как раз разогрела пирог.

– Я запишу на твой счёт. – Сюли открыла тетрадь и внесла к основному долгу кухарки ещё и кусок пирога.

– Разумеется, – недовольно ответила та.

– Мы скоро закрываемся! – Сюли намекнула всем присутствующим, что пора бы уже закончить с едой и покинуть кафе.

– Я собираюсь выпить пива. Мальчишка и эта молоденькая красавица доедают пирог. Та парочка у стены явно выпьет ещё по бокалу. Не будь такой ханжой, Сюли, тебе не к лицу. – Старик уселся на барный стул, Сюли поставила перед ним бокал пенного.

– По одному бокалу, – недовольно фыркнула она.

– Вечно ты упрямишься. Вся в мать!

Виктория краем уха слушала разговор за барной стойкой. Она поняла, что у неё есть ещё немного времени для отдыха, чему она была рада... Ведь ей некуда идти. Сюли и не догадывалась, что своими словами убила в Виктории всю надежду на сон этой ночью. Девушка знала, что автобус придет только утром. Да и в кафе она пришла лишь потому, что опоздала на последний рейс. Виктория надеялась, что сможет найти ночлег, а по итогу впустую потратила деньги: ведь в её чемодане и так лежал скромный урсин. Этим вечером ей больше ничего не оставалось, кроме как сидеть на диванчике у окна и ждать, когда её попросят покинуть заведение. Она медленно жевала пирог и внимательно осматривалась вокруг. Ей не давал покоя мальчишка: она чувствовала, что дома его не ждут. Как и её никто не ждал. Викторию не приняли в педагогическое училище, она не подходила для такой роли. И теперь она вынуждена ехать домой. Как она сообщит родителям, что все их старания напрасны? Кто вернёт им деньги, которые они вложили в её обучение в музыкальной школе? Нет, домой ей точно не хотелось возвращаться. Виктория не могла расстроить родителей...

Пирог тем временем кончался, как и пиво в бокалах посетителей.

– Знаешь, Сюли, тебе бы не помешало узнать у своего поставщика, что за пиво они привозят. Дрянь редкостная, – заметил старик.

– Не нравится – не пей! – дерзко ответила Сюли.

– Ишь ты! Слово у меня есть выбор. Только ты тут и наливаешь. Вот и пользуешься этим. Нехорошо это, нехорошо.

– Ну давай, скажи, что я вся в мать!

– Не скажу. У Айминь вкус был лучше, – язвительно сказал старик. – Ты вся в отца. Тот тоже ни черта не смыслил в пиве!

– Скажи это ему в лицо. – Сюли заметно погрузтелла. – Давненько ты не навещал его. Он уже совсем стар.

– К слову о родителях. Нельзя мальчишке сегодня домой. Бог знает, что у них там творится, – встряла в разговор кухарка.

– Это не наши проблемы, – Сюли развела руками.

– Сюли, тебе не помешало бы быть более сдержанной. Мальчишку жалко, но у него есть дом. Я провожу его, посмотрю, всё ли в порядке. Эй, – старик окликнул мальчика, – доел? – Тот кивнул. – Пошли, провожу тебя.

– Всё, кафе закрывается! Прошу всех на выход! – громко заявила Сюли. – На выход!

Виктория вышла на улицу. Прошла несколько метров к автобусной остановке, бросила чемодан на землю и уселась на него. Она наблюдала, как кафе покидают последние посетители, как в нём одна за одной гаснут лампочки. Она видела, как кухарка, старик и мальчишка направлялись в её сторону, а Сюли ушла в противоположную.

– Что же ты тут расселась? – обратился к Виктории старик.

– Автобус жду. – Ей было стыдно, но она ответила честно.

– Он придёт через семь часов. Долго придётся ждать, – подметила кухарка.

– Боюсь, другого выхода у меня нет. Хозяйка кафе сказала, что ближайший гостевой дом в двадцати километрах отсюда.

– Она не соврала, – заметил старик. Он даже немного растерялся. Ему было жаль девушку, но его голова уже занята заботами о мальчишке. Он косо посмотрел на свою спутницу.

– Вставай! – скомандовала кухарка. – У меня есть свободная комната.

– Даже не представляете, как я вам благодарна! – Виктория не могла скрыть своей радости. – Меня зовут Виктория, можно просто Вики.

– Я Анна. Пока идём, расскажешь, что тебя привело в эту глушь.

По дороге девушка рассказала им свою историю. Им она не боялась признаться в своём позоре. Эти люди были для неё незнакомцами, но они почему-то отнеслись к ней с такой добротой, на которую она и не рассчитывала дома.

Высота 6 метров

Санкт-Петербург, Нежинская улица, дом 4

Как много может принести нам новый день? И как много может изменить одна предшествующая ему ночь?

Скажите, может в космосе какие магнитные бури? Вспышки на солнце? Иначе с чего я сегодня так счастлива? Немного сбита с толку, но счастлива.

Возможно оттого, что этой ночью исполнилось заветное желание, как минимум двух человек. Один из них я. Теперь мою книгу можно приобрести по адресу...

Я выложила пост в сеть, и до меня донёлся громкий хлопок из коридора... Как я поняла позже, это вылетела пробка из бутылки шампанского. Дверь моей комнаты открылась, и в щели показались две довольные рожи – Никита и Богдан ворвались внутрь. Они перекрикивали друг друга и звон бокалов в руках.

– Не успела толком проснуться, а уже строчишь тексты для публики, – подколот меня Никита.

– Не успели проснуться, а уже открыли бутылку? – бросила в ответ я, сама в тот момент принимая бокал из рук Богдана.

– Есть повод, – усевшись рядом, произнёс последний.

Никита принялся разливать шампанское по бокалам. В комнате было жарко, и холодный напиток окутывал тёплое стекло влажной дымкой, которая каплями стекала вниз, приятно освежая руки.

– Ты сделала большой шаг навстречу к своей мечте! И мы хотели сказать, что очень гордимся тобой, – напомнил Никита.

– На самом деле он просто нашёл повод выпить с утра, – радостно сказал Богдан.

– Такой ли большой повод? Как скоро владелец книжного попросит оплату за его услугу? Он ведь так помог мне! Ведь так этот мужчинка и думает, я уверена.

– Эй, ты должна быть счастлива, помнишь? – возмутился Богдан.

– Какой же ты большой комочек комплексов! – Никита вдруг взорвался. – Иногда какие-то вещи просто идут тебе в руки! Прими это уже наконец!

Воцарилась тишина. Раньше Никита никогда не повышал на меня голос. Неужели я действительно настолько достала его своим нытьём, что он не сдержался? Разумеется, так и есть. Со мной возятся как с маленьким ребёнком!

– Прости, – виновато произнесла я. – Простите, я не хочу быть вашей проблемой. – На мои глаза уже навернулись слёзы, я готова была разрыдаться, но сдержала порыв истерики. Я должна была радоваться, должна была принимать то, что само шло ко мне в руки, но почему-то противилась этому. Наверное, я всё ещё верила в сказку, что настоящий талант пробьётся без чьей либо помощи.

Недолгую тишину в комнате прервал шелест фантиков. Богдан разворачивал конфету, переводя взгляд с меня на Никиту. Наверняка и он однажды мечтал сказать мне подобные слова, но не мог. Он говорил мне лишь «Минии инаг дуран»¹² и улыбался. У Богдана бурятские корни – это было заметно по его внешности и фразочкам, которые часто прокрадывались в русскую речь.

¹² Фраза на бурятском языке. Прим. автора.

Никита забрал у него конфету и сунул её мне в рот.

– Прожуй, – сказал он. Я послушалась его. – А теперь запей! До дна! – поправил он меня, когда я хотела остановиться. – Чтобы я больше не слышал твоих сомнений. Ты прекрасна! Я сказал это сейчас и больше не скажу никогда. Не сомневайся в этом. Допила?

– Допила.

– Поняла меня?

– Поняла.

– Тебе страшно, – кивнул он. – В этой жизни каждое препятствие на пути к своей мечте будет вызывать у тебя это чувство. Быть счастливым страшно. Куда проще быть глубоко несчастным человеком! Этот страх будет сковывать тебя, и отдавшись ему, ты потеряешь так много: столько людей, столько крутых моментов в жизни. Но ты почему-то всегда выбираешь убежать... Словно один провал так велик и страшен, чем вся трагедия утраченной возможности. – Никита ерошил волосы на своей голове и шагал из угла в угол по комнате. Он хотел вдолбить в мою голову очевидное, словно пытался спасти меня, хотя так оно и было: он всегда пытался меня спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.